

О.В. Ауров

ПОНЯТИЕ «HEREDITAS» В IV – НАЧАЛЕ IX ВВ.:
СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ «ВУЛЬГАРИЗАЦИИ»
РИМСКОГО ПРАВА

Статья посвящена проблеме эволюции содержания латинского понятия «hereditas». В римском праве архаического и классического периодов (начиная с «Законов XII Таблиц» и до «Кодекса Феодосия» (438 г.)) это слово, как и его производные, являлось неотъемлемой частью терминологии римского наследственного права. Однако с начала III в., с появлением первых латинских христианских текстов, в том числе – старолатинских версий Библии, слово «hereditas», наряду с указанным выше, стало приобретать еще одно значение, являясь переводом греческого κλήρον («kleros» – «раздел», «часть», «имущество, переданное кому-либо»), в свою очередь передававшего לְנַחֲלָה («nachalah» – «владение», «земля», «доля», «часть») еврейских ветхозаветных оригиналов. В сферу права это значение стало проникать в начале V в. В следующем столетии оно отразилось и в «Салической правде». Однако здесь оно испытало и влияние франкского института аллода, сходного по ряду параметров с латинским hereditas.

Ключевые слова: Раннее Средневековье, варварские правды, наследство, «hereditas», вульгарное римское право, «Итала», «Вульгата», франки, Меровинги, «Салическая правда», Галлия

Начиная с конца XIX в., когда выдающиеся немецкие историки права Георг Бруннер (1880) и Людвиг Миттайс (1891) ввели в оборот понятие «вульгарное римское право», споры о существовании этого явления не утихают. Сложилась обширная литература вопроса, в которой следует выделить работы Эрнста Леви, Макса Казера, Альваро д’Орса и др.¹ Среди других причин отхода от традиции классического римского права называются две, на которые мне хотелось бы обратить особое внимание.

Во-первых, это влияние христианства на законодательство эпохи Поздней Империи – так называемая христианизация римского права, проникновение христианских концепций в позднеимперское законодательство. Во-вторых, в качестве не менее значимого фактора принято указывать на влияние процесса инфильтрации варваров в военную и политическую систему Западной Империи и последующее расселение варварских народов на ее территории, которые, как считается, привели к постепенной «варваризации» римско-правовых норм.

Разумеется, эти факторы действительно сыграли свою роль в процессе так называемой вульгаризации римского права. Однако в настоящее время многие процессы видятся гораздо более сложными, чем даже 30–40 лет назад. С одной стороны, ныне мы уже достаточно хорошо понимаем, что христианство не только многое дало римскому праву, но едва ли не больше от него получило². С другой стороны, сейчас совсем по-иному, чем ранее, воспринимается роль варварского фактора в развитии римского мира в целом и римского права в частности. Несмотря на многочисленные локальные конфликты, в целом отношения Рима с его варварской периферией носили длительный характер. Варвары, пришедшие на территорию Западной Империи, вовсе не стремились к сознательному уничтожению римских институтов и римской культуры. Наоборот, римские полководцы варварского происхождения, ставшие правителями варварских королевств – новыми хозяевами римского мира, стремились сохранить его, в ряде случаев придав новый импульс развитию вполне классических римских учреждений (римский сенат; муниципальные институты и др.). К тому же в разных королевствах (и даже в разных регионах одних и тех же королевств) судьбы римского наследия могли складываться очень по-разному³.

В конечном итоге оказывается, что вопрос о значении христианства и роли варварского фактора в процессе «вульгаризации» римского права не имеет «простого» ответа. Необходим тщательный и изолированный анализ истории каждого конкретного римско-правового института. (В этом смысле история «вульгаризации» римского права оказывается вовсе не единым процессом, но совокупностью «частных» историй отдельных учреждений.) Методология такого анализа может быть основана лишь на изучении конкретной терминологии: в данном случае важен процесс наполнения

«старых» понятий римского права новым, уже неримским, содержанием.

Справедливость этих замечаний я постараюсь показать на примере эволюции одного из классических римско-правовых терминов – понятия «hereditas» («наследство»)⁴.

Поскольку ранее уже говорилось о том, что процесс «вульгаризации» римского права во многих случаях носил локальный характер, обращусь к исследованию лишь одной части римского мира – бывшей римской Галлии, где в конце V в. утвердилась власть правителей из рода Меровингов, королей народа салических франков, пришедших на римскую территорию с земель современной Голландии и северо-западной Германии.

В «Истории франков» Григория Флоренция (или Григория Турского) (538/539–593/594)⁵ встречается контекст, в котором понятие «hereditas» наделено значением, отсутствующим как в римском праве, так и в римской «классической» литературе. Я имею в виду включенный в историю текст письма, адресованного аббатисе Радегунде, изгнанной Хродехильдой, дочерью короля Хариберта (561–567). Авторы послания – епископы Евфроний, Претекстат, Герман, Феликс, Домициан, Викторий и Домнол, – утешая пострадавшую, начинают его с рассуждений о всеблагой природе Господа. Она проявляется, в том числе, и в деятельности духовных лиц, которых Благочестивый Судья-Господь (*pius rerum arbiter*) разослал («посеял») повсюду, чтобы обрабатывать «землю» (*in hereditate culturae*), «дабы в упорном труде они вспахивали поле лемехом веры»⁶.

Понятно, что риторические образы «земли» (*hereditas*), как и «поля» (*ager*) отсылают к весьма распространенному евангельскому символу: «поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, жнецы суть Ангелы», – говорится, например, в Евангелии от Матфея (Мф 13.38–39). Однако для меня в данном случае наиболее важен тот факт, что здесь «hereditas» предстает в значении «земля», «владение» и не имеет прямой связи с понятием «наследства», основополагающим для римско-правовой терминологии. Возникает естественный вопрос: откуда возникло это новое значение?

Очевидно, что его истоки не связаны ни с «классическим», ни с постклассическим римским правом, даже с учетом интерполяций

эпохи Юстиниана I. Анализ показывает, что то значение термина, которое фигурирует в тексте Григория Турского, не встречается ни в одном из источников римского права. И это при том, что слово «hereditas» достаточно рано было включено в римско-правовую терминологию⁷. Оно фигурирует уже в «Законах XII Таблиц»⁸. Только в «Дигестах» Юстиниана оно употребляется не менее 3575 раз!⁹ И, насколько мне удалось установить, среди них нет ни одного совпадения со значением, фигурирующим в «Истории франков».

Зато искомое значение сразу же обнаруживается в латинских христианских текстах. Уже первый христианский автор, писавший по-латыни, – Кв. Септимий Флорент Тертуллиан (ок. 160 – после 220) – упоминает слово «hereditas» именно в этом смысле. Важно отметить, что, насколько известно, этот Отец Церкви был профессиональным юристом и жил в ту же эпоху, что и Эмилий Папиниан (? – 212), Домиций Ульпиан (? – 228), Юлий Павел (рубеж II – III вв.), Элий Флориан Геренний Модестин (? – после 244) – четверо из «пяти великих», упоминаемых в «законе о цитировании» 426 г. Однако в данном случае Тертуллиан исходит вовсе не из их сочинений. У него другой источник – раннелатинская Библия (так называемая «Итала»), перевод которой был сделан именно в римской Африке. Совсем не случайно в сочинениях Тертуллиана в абсолютном большинстве случаев это значение встречается именно в цитатах из Писания (главным образом – из Псалтыря)¹⁰; уже из них оно перекочевало в оригинальную часть текстов христианского писателя¹¹.

Раннелатинские переводы Библии делались с греческих переводов, созданных в иудейской среде («Септуагинта», переводы Феодотиона, Аквилы и др.)¹². В данном случае латинское «hereditas» соответствует греческому κλήρον – «раздел», «часть», «что либо, переданное на попечение другого», но также и «земельный участок». Однако это значение вовсе не является первичным. В греческих переводах κλήρον – это ни что иное, как перевод еврейского נַחֲלָה («nachalah») – «владение» (в том числе земельное), «наследство», «доля», «часть». В IV в. в том же значении слово «hereditas» использует целый ряд христианских писателей, в частности – Иллариус из Пуатье (? – 368)¹³.

Это значение было прекрасно известно и Евсевию Иерониму (347–419/420), автору литературного перевода Библии, ныне

(строго говоря, не совсем верно) именуемого «Вульгатой». Этот перевод был сделан в Палестине (Иероним жил анахоретом в пустыне близ Вифлеема) с использованием оригинальных еврейских текстов Писания. Влияние еврейского **נְדָבָה**: ощущается как в иеронимовых переводах Ветхого Завета¹⁴, так и в его собственных текстах¹⁵. В Библии Иеронима слово «hereditas» фигурирует довольно часто – более 180 раз, и в большинстве случаев оно применяется именно для передачи все того же древнееврейского **נְדָבָה**:. Естественно, основная часть соответствующих мест содержится в Ветхом Завете. Так, например, в Книге Чисел их 10¹⁶, во Второзаконии – 7¹⁷, а в столь часто цитируемой христианскими авторами книге, как Псалмы, – 29¹⁸ и т. п. В новозаветных книгах «hereditas» фигурирует много реже, даже с учетом их ограниченного объема¹⁹; впрочем, это выглядит вполне логичным, учитывая, что тексты Нового Завета создавались уже в другое время и, главное, распространялись почти исключительно на греческом языке²⁰.

Длительное время это значение термина «hereditas» не выходило за пределы христианской литературы. Его проникновение в сферу права началось, по-видимому, с такого оригинального памятника постклассического римского права, каковым является «Закон Божий, или Сопоставление законов Моисеевых и римских» (90-е годы IV или, скорее, начало V вв.)²¹. Свою задачу автор этой компиляции видел в том, чтобы представить положения «Закона Моисеева» как идентичные соответствующим им по тематике положениям сочинений римских юристов.

Среди прочего анонимный составитель не обошел вниманием и институт наследства, приведя в качестве отправной точки для своего рассуждения фрагмент (27.4–11) из Книги Чисел²². В 16-м титуле «Сопоставления...» эта норма ставится в один ряд с высказываниями о наследственном праве, содержащимися в сочинениях Гая («Институции»), Павла («Сентенции») и Ульпиана («Книга правил», «Институции»). Из текста хорошо видно, что хотя компилятор стремился сгладить особенности библейского текста и показать, что между Законом Моисеевым и законами римлян не существует никаких принципиальных противоречий, но исключить изначальные особенности библейской латинской терминологии ему все-таки не удалось²³.

Однако «Сопоставление...» не содержало норм прямого действия, а представляло собой правовой трактат. Начало проникновения нового значения термина «hereditas» в сферу действующего права приходится уже на VI в. Поскольку этот процесс развивался крайне неравномерно и имел значительные региональные отличия, следует вновь вернуться к галльскому материалу VI в.

Основным источником права в северо-восточной Галлии в этот период являлась «Салическая правда», текст которой постепенно пополнялся новыми королевскими законами на протяжении VI–VIII вв. (первые известные рукописи памятника датируются 770-ми годами)²⁴. Здесь термин «hereditas» наиболее часто фигурирует в 59-м титуле – «De alodis»²⁵.

Как и в цитированном фрагменте из библейской Книги Чисел (27.4–11), из которого исходит и автор «Сопоставления...», речь здесь идет о наследовании «ex lege»: институт римского завещания не упоминается ни там, ни здесь (в последнем случае, вероятно, потому, что был попросту неизвестен салическим франкам до их расселения в Галлии). Кроме того, в 59-м титуле «Салической правды» (Lex Sal. 59.6) особо выделяется земельная часть наследства (которую должен получать только мужчина), что также сближает обе нормы. В остальном, однако, они не идентичны, т. е. влияние библейской традиции присутствует, но не является единственным. На другое влияние – на этот раз варварское – указывает уже само по себе употребление германского слова «аллод». Правда, оно фигурирует лишь в заглавии, а в основной части Lex Sal. 59 в качестве его прямого эквивалента употребляется «hereditas».

Следует подчеркнуть, что означенная норма активно применялась на практике. Об этом говорят, в частности, случаи употребления обоих терминов в «Формулярии Маркульфа», составленном в середине VII в. и действовавшем в той же самой северо-восточной Галлии, где основным источником права являлась «Салическая правда». Как известно, по подобным формулярам составлялись реальные документы. Материалы сборника однозначно свидетельствуют о синонимичности франкского понятия «alodis» и «hereditas». Среди прочего, эту синонимичность можно продемонстрировать на примере формулы Form. Marc. II.14 – шаблона для документа о разделе имущества между родственниками²⁶ (причем подобный пример отнюдь не единичный²⁷).

Остается, однако, вопрос, каковы различия между франкским «alodis» и «hereditas» в его изначальном, римско-правовом смысле? Частично на этот вопрос я уже ответил выше. Однако для более полного ответа необходимо вернуться к «Салической правде» и проанализировать другие случаи употребления понятия «hereditas», не забывая, что там оно является синонимом франкского «alodis»: речь идет о 44-, 46- и 60-м титулах памятника. Из содержания Lex Sal. 44²⁸ и 60²⁹ видно, что: (1) распоряжение «alodis»–«hereditas» принадлежит исключительно мужчине; (2) этот мужчина является свободным и, одновременно, воином, поскольку он участник сотенного собрания воинов-франков (*mallus publicus*) (неразрывность ипостасей свободного и воина – нормальная ситуация для варварского общества); (3) этот мужчина принадлежит к явно варварской по происхождению клановой группе (*parentilla*), члены которой имеют право наследовать ему до тех пор, пока он состоит членом «parentilla» (иначе наследство отходит королевскому фиску). Таким образом, варварские влияния на правовую концепцию «alodis»–«hereditas» представляются несомненными.

То же впечатление оставляет и содержание последнего титула «Салической правды», в которой фигурирует термин «hereditas», – Lex Sal. 46 («Об усыновлении») ³⁰. Здесь интересно то, что передача прав на «alodis»–«hereditas» оформляется посредством сложной правовой процедуры явно неримского происхождения. Не буду сейчас разбирать ее подробно. Обращу внимание лишь на одну важную деталь: в контексте этой процедуры (как и раньше, в одной из процитированных формул из «Формуляра Маркульфа» ³¹) фигурирует «festuca» – палочка, веточка или стебель.

В «Салической правде» этот правовой символ упоминается неоднократно, в том числе – в поздних дополнениях к кодексу, известных также по эдикту короля меровингской Нейстрии (северо-западная Галлия) Хильперика I, изданного ок. 574 г. ³² Однако ни одна из этих норм не объясняет смысла правовой символики «festuca». Приходится обратиться к известному фрагменту из четвертой книги «Институций» Гая (Gai. 4.16) ³³, где она фигурирует в формуле предъявления виндикационного иска. Римский юрист поясняет, что «festuca» символизирует копье и что ее использование в означенной римской процедуре призвано подчеркнуть прочность притязаний истца на спорное имущество. Налагая «festuca», истец тем

самым подчеркивает, что это имущество принадлежит ему абсолютно, как будто оно является военной добычей. Остается, однако, неясным, можно ли использовать свидетельства Гая применительно к явно неримскому по характеру материалу? Является ли этот древний символ чисто римским, или он имеет более широкое, общеевропейское значение?

Источники показывают, что последнее утверждение более верно. Наряду с передачей имущества «per festucam» (о которой говорилось выше), встречаются и случаи передачи «через копье», о чем свидетельствуют не только нарративные тексты (в частности, неоспоримые свидетельства уже упоминавшегося выше Григория Турского³⁴), но и правовые нормы. В последнем случае речь идет о «Тюрингской правде» (802). Германцы-тюринги были соседями салических франков на востоке и в VIII в. попали в их сферу влияния, в том числе и правового. Lex Thuring. VII.32 подчеркивает роль копья как специфически-мужского символа³⁵. Lex Thuring. VII.31 прямо говорит о том, что можно понять из «Салической правды» лишь косвенно, а именно что «alodis»–«hereditas» может быть передано лишь мужчине-воину, тому, кому принадлежит исключительное право на получение по наследству кольчуги (lorica) и осуществление права кровной мести (ultio)³⁶. Таким образом, то, что для римского юриста Гая было глубокой правовой древностью, для варваров VI в. (и даже позднее) все еще оставалось частью повседневной правовой практики.

Следует обратить внимание еще на одну норму «Тюрингской правды» (Lex Thuring. XIV (=54)), согласно которой «hereditas» свободного человека может быть передан тому, кому он сам пожелает³⁷. Это положение автоматически предполагает существование института завещания. Таким образом, мы видим уже очевидное римско-правовое влияние: ранее неизвестное варварам наследование «ex testamento» дополняет наследование «ex lege». Видимо, в конечном итоге общий римско-правовой климат все же оказался сильнее бессистемных внешних правовых влияний.

Это общее впечатление подтверждается содержанием и ряда других «варварских правд», возникших под влиянием франкского права. В качестве примера приведу законы рипуарских франков – так называемую «Рипуарскую правду» (рубеж VII – VIII вв.). Здесь явно созданный под влиянием Lex Salica титул «Об аллодах» (Lex

Ribuar. 57 (56) («De alodibus»)), со свойственным ему наследованием «ex lege», дополняется специальным титулом, где прямо упоминается наследование «ex testamento» (Lex Ribuar. 70 (67.1) («О том, кто не оставит сына»))³⁸.

Но еще показательнее Lex Ribuar. 50 (48–49) («Об усыновлении») – прямой аналог рассмотренного выше Lex Sal. 46 («De adfatimige»). При очевидном сходстве двух норм видно, что сложная правовая формула варварского происхождения заменена вполне римской процедурой, сопровождающейся составлением письменного акта об усыновлении³⁹. Таким образом, в конце концов, римское право если и не вытеснило полностью, то явно потеснило нормы варварского происхождения.

* * *

Сказанное позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, отмеченные тенденции эволюции термина «hereditas» стали следствием сложного сочетания явлений социальной, культурной, политической и правовой природы. В их числе на первое место следует поставить процессы, вызванные христианизацией Империи и обусловившие распространение специфически христианского значения «hereditas» как кальки еврейского **הִרְשָׁוּת** и греческого κλήρον. Процесс быстрого роста влияния христианского клира в политической, общественной и культурной жизни Позднего Рима привел к постепенному (через посредство «Сопоставления...») проникновению нового значения и в сферу права. Именно этот процесс и отражен в содержании наиболее значимых памятников постклассического римского права, возникших за пределами Византии, – так называемых варварских правд (в том числе и «Салической правды»).

Во-вторых, при всем значении христианских влияний содержание термина «hereditas» в «Салической правде» невозможно объяснить лишь ими одними. В данном конкретном случае явление, заимствованное из понятийной системы позднеантичного права, испытало осязаемое влияние и неримского по характеру института – «alodis», ряд характеристик которого соотносился с римской «hereditas». При этом первый из названных институтов вовсе не поглотил последний, римский. Хорошо известно, что процесс рас-

селения варваров-франков на территории римской Галлии, растянувшийся на несколько столетий – от начала их инфильтрации в военную систему Поздней Империи до оформления государства Меровингов⁴⁰, – оказывался неизбежно сопряженным со значимой деформацией всей системы социальных и иных институтов, свойственных варварам в период, предшествовавший Великому переселению народов. Тем более что письменная фиксация так называемых обычно-правовых норм осуществлялась галло-римскими юристами, исходившими из привычных для них римско-правовых представлений. В конечном итоге включение франкского «аллода» в ту сложную амальгаму, которую представляло собой римское право, действовавшее в провинциях в середине I тыс. н. э., не могло не сопровождаться значительной деформацией его содержания, приспособлением к общему хозяйственно-правовому контексту.

В-третьих, в развитии сложного процесса синтеза римско-правовых, христианских и варварских влияний в эволюции содержания понятия необходимо учесть факт сосуществования в праве салических франков терминов «*alodis*» и «*hereditas*». В данном случае, как мне представляется, следует принять во внимание ряд замечаний, высказанных И.С. Филипповым. Первое: уже сам факт политического господства германцев способствовал заимствованию слов, имевших прямые эквиваленты в латинском языке. Второе: «классическая римская юриспруденция так и не выработала единого понятия о собственности; дихотомия *dominium* – *proprietas* осложнялась расширительным употреблением термина *possessio*, не говоря уже об архаических понятиях типа *mancipium*. Это обстоятельство не могло не привлечь внимания к чужому, но более однозначному термину». Третье: «ни *dominium*, ни *proprietas* (в отличие от *possessio*) не обозначали собственность как конкретный объект, характеризуя не вещь, а право на нее. Между тем в юридически упрощенном мире раннего Средневековья, видимо, ощущалась потребность в термине, переносящем представление о праве на саму вещь. Эту нишу и заняло слово *alod*. Во всяком случае в большинстве ранне-средневековых текстов оно означает именно вещь – чаще всего, конечно, земельное имущество»⁴¹.

В-четвертых, однако, представленный выше анализ заставляет несколько скорректировать замечания И.С. Филиппова. На раннем

этапе эволюции понятия «hereditas», отраженном «Салической правдой», отмеченная дихотомия «hereditas»–«alodis» *не носила сугубо формального характера*. В тот период каждая из ее составляющих – как римская, так и варварская, – играла свою собственную роль. Франкское «alodis» соотносилось с неримскими аспектами природы института, тогда так латинское «hereditas» сохранялось как в силу своей «привычности», так и в связи с той ролью, которую играла в обществе римско-правовая традиция наследственного права. И лишь в каролингское время возобладала тенденция к усилению римской компоненты в содержании института. Впрочем, этот процесс развивался крайне неравномерно; он так и не завершился до наступления высокого Средневековья и начала эпохи рецепции «*jus commune*» – ученого синтеза юстинианова и реформированного канонического права.

Наконец, в-пятых, при оценке процесса эволюции содержания понятия «hereditas» следует учесть и ее четко выраженный локальный характер. Все сказанное выше справедливо лишь применительно к ареалу прямого политического и правового доминирования франков. Ни законы бургундов, ни законы лангобардов, ни ранние законы вестготов не фиксируют ничего подобного.

Впрочем, это уже тема отдельного исследования.

Примечания

¹ Подобная разработка понятия «вульгарное римское право» и связанных с ним правовых явлений осуществлены Э. Леви в первой половине – середине XX в. (см.: *Levy E. Vulgarisation of Roman law in the early Middle Ages // Mediaevalia et humanistica. 1943. 1. P. 14–40; Idem. West Roman Vulgar Law. The Law of Property. Philadelphia, 1951; Idem. Weströmisches Vulgarrecht das Obligationenrecht. Weimar, 1956*). См. также: *Kaser M. El derecho romano-vulgar tardio // AHDE. 1960. T. 30. P. 617–630; Calonge Matellanes A. Reflexiones en torno al denominado derecho romano vulgár de Occidente // De al Antigüedad al Medioevo. Siglos IV–VIII // III Congreso de Estudios Medievales. Avila, 1993. P. 361–376 и др.*

² См., например: *Brown P. The World of Late Antiquity: AD 150–750. London, 1971; Jacques F. Le privilège de liberte: Politique imperial el autonomie municipales dans les cites de l'Occident. Paris, 1984; Collins R.*

- Early Medieval Europe, 300–1000. Houndmills, New York, 1999. P. 61–79; *Болотов В.В.* Лекции по истории Древней Церкви // *Болотов В.В.* Церковно-исторические труды. Т. 4: История Церкви в период Вселенских Соборов. М., 2002 и др.
- ³ См., например: *Collins R.* Op. cit. P. 100–115; 153–172; *Wolfram H.* The Roman Empire and Its Germanic Peoples. Berkeley; Los Angeles; London, 2005.
- ⁴ Общие аспекты эволюции термина рассмотрены Корнхардтом. См.: *Kornhardt.* «Hereditas» // Thesaurus Linguae Latinae. Vol. 6. Fasc. 3. Lipsiae, 1938. P. 2643.
- ⁵ Общие сведения о нем см.: *Савукова В.Д.* Григорий Турский и его сочинение // *Григорий Турский.* История франков. М., 1987. С. 321–350.
- ⁶ *Greg. Turon.* Hist. Franc. IX.39: «Sollicita sunt iugiter circa genus humanum immensae divinitatis provisura remedia nec ab assiduetate beneficiorum suorum quocumque loco vel tempore videntur aliquando seiuncta, cum pius rerum arbiter tales **in hereditate culturae** ecclesiasticae personas ubique dissimulat, quibus **agrum** eius intenta operatione fidei rastro colentibus, ad filicem centini numeri reditum divina temperiae Christi seges valeat pervenire» (здесь и далее выделено мной. – *О.А.*).
- ⁷ Общие сведения об этом см., например: *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 142–143.
- ⁸ *Gai.* Inst. 3.1: «Intestatorum hereditates ex lege XII tabularum primum ad suos heredes petinent». См. также: *Ibid.* 3.9: «Si nullus sit suorum heredum, tunc hereditas pertinet ex eadem lege XII tabularum ad agnatos» (etc.).
- ⁹ См., например: D.2.14.52pr. (*Ulpianus libro primo opinionum*): «Epistula, qua quis coherendem sibi aliquem esse cavit, petitionem nullam adversus possessors **rerum hereditariarum** dabit»; D.38.9.1pr. (*Ulpianus libro quadragesimo nono ad edictum*): «Successorum edictum idcirco propositum est, ne **bona hereditaria** vacua sine domino diutius iacerent et creditoribus longior mora fieret» (etc.).
- ¹⁰ См., например: *Tert. Adv. Iud.* 10.16: «Denique subiungit: Propterea ipse multos in **hereditatem** habebit et multorum dividet spolia – quis alius nisi qui natus est, ut supra ostendimus? – pro eo quod tradita est in mortem anima eius» (Ис 53:12. – *О.А.*); *Ibid.* 12:1: «Aspice universas nationes de voragine erroris humani exinde emergentes ad dominum deum creatorem et Christum eius, et, si audes negare prophetatum, statim tibi promissio patris occurrit in psalmis dicens: Filius meus es tu, ego hodie genui te; pete a me, et dabo tibi gentes **hereditatem** tuam et possessionem tuam terminos terrae» (Пс 2:7-8. – *О.А.*); *Ibid.* 14.12: «Igitur si universas nationes de profundo erroris humani exinde emergentes ad deum creatorem et Christum eius

- cernitis, – quod prophetatum non audetis negare, quia et si negaretis statim vobis in psalmis, sicuti iam praelocuti sumus, promissio patris occurreret dicentis: Filius meus es tu, ego hodie genui te; pete a me et dabo tibi gentes **hereditatem** tuam et possessionem tuam terminos terrae» (Там же. – *O.A.*).
- ¹¹ См., например: *Tert. Lib. Scorp. 2.6*: «De quibus omnifariam extirpandis: perditione perdetis, inquit, omnia loca, in quibus seruierunt nationes deis suis, quas uos possidebitis **hereditate**, super montes et colles et sub arbores densas, quasque effodietis aras eorum, euertetis et comminuetis stanicula eorum et excidetis lucos eorum et sculptilia ipsorum deorum concremabitis igni et disperdetis nomen eorum de loco illo».
- ¹² Общие сведения о латинский переводах Священного Писания см., например: *Тов Э. Текстология Ветхого Завета. М., 2001. С. 19–22, 74–79, 94–102, 111–146, 350–357.*
- ¹³ *Hil. Pict. De Trin. 4.27*: «nos ... filio in hereditatem a Deo Patre donamur».
- ¹⁴ См., например: *Num. 18.20*: «dixitque Dominus ad Aaron in terra eorum nihil possidebitis nec habebitis partem inter eos ego pars et **hereditas** tua in medio filiorum Israhel». [Числ. 18.20: «И сказал Господь Аарону: в земле их не будешь иметь **удела** и части не будет тебе между ними; Я часть твоя и **удел** твой среди сынов Израилевых».]
- ¹⁵ См., например: *Hieron. Epist. 60.2.3*: «Propheta qui reliquit domum suam, dimisit hereditatem suam».
- ¹⁶ *Num. 18.20*: «dixitque Dominus ad Aaron in terra eorum nihil possidebit nec habebit partem inter eos ego pars et **hereditas** tua in medio filiorum Israhel» См. также: *Num. 24.18; 27.6; 27.8; 27.10; 27.11; 32.18; 35.8; 36.3.*
- ¹⁷ *Deut. 3.18*: «praecipitque vobis in tempore illo dicens Dominus Deus vester dat vobis terram hanc in hereditatem expediti praecedite fratres vestros filios Israhel omnes viri robusti» См. также: *Deut. 9.26; 9.29; 18.1; 18.2; 32.9; 33.4.*
- ¹⁸ *Ps. 2.8*: «postula a me et dabo tibi gentes hereditatem tuam et possessionem tuam terminus terrae». См. также: *Ps. 5.1; 15.5; 15.6; 29.7; 32.12; 36.18; 36.34; 46.5; 60.6; 67.10; 68.36; 73.2; 77.62; 77.71; 78.1; 82.13; 93.5; 93.14; 104.11; 105.5; 105.40; 110.7; 118.111; 126.3; 134.12; 135.21; 135.22.*
- ¹⁹ Перечень мест из Нового Завета, где значение слова «hereditas» однозначно расходится с римско-правовым, выглядит следующим образом: *Mat. 21.38; Mc.12.7; Luc. 20.14; Act. 7.5; Ethes. 5.5; Hebr. 1.14; 9.15; 11.8; 1 Pe.1.4; Coloss. 3.24.*
- ²⁰ См. об этом: *Мецгер Б. Текстология Нового Завета. М., 1996; Он же. Канон Нового Завета. Происхождение, развитие, значение. М., 1998; Он же. Ранние переводы Нового Завета. М., 2002.*
- ²¹ Общие сведения об этом памятнике см.: *Lex Dei sive Mosaicarum et Romanarum legum Collatio/Закон Божий, или Сопоставление законов*

- Моисеевых и римских / Перев. и коммент. М.Д. Соломатина // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 1997. № 1 (2). С. 165–191.
- ²² Num. 27.4–11: «Rettulitque Moses causam earum ad iudicium Domini, qui dixit ad eum: «Iustam rem postulant filiae Salphaad da eis possessionem inter cognatos patris sui et ei in **hereditate** succedant. Ad filios autem Israhel loqueris haec: homo cum mortuus fuerit absque filio ad filiam eius transibit **hereditas**, si filiam non habuerit habebit successores fratres suos, quod si fratres non fuerint dabit **hereditatem** fratribus patris eius, sin autem nec patruos habuerit **hereditas** his qui ei proximi sunt eritque hoc filiis Israhel sanctum lege perpetua sicut praecepit Dominus Mosi».
- ²³ Coll.16.1: «(4) Et obtulit Moyses petitionem earum coram Deo. (5) Et locutus est Dominus Moysi dicens: (6) Recte filiae Salfadae locutae sunt: et ideo dabitis eis **possessionem hereditatis** in medio fratrum patris earum. (7) Et dices haec filiis Israhel : Homo si decesserit, et filios non habuerit, dabitis **hereditatem** eius filiae eius» (etc.).
- ²⁴ См., например: *Collins R.* Op. cit. P. 171.
- ²⁵ Lex Sal. 59.6: «§ 1. Si quis mortuus fuerit et filios non dimiserit, si pater, si mater sua superfuerit, ipsa in **hereditatem** succedat. § 2. Si pater aut mater non fuerit et fratrem aut sororem dimiserit, ipsi in **hereditatem** succedant. § 3. Si isti non fuerint, tunc soror matris in **hereditate(m)** succedat. § 4. Si uero sororis matris non fuerint, sic sorores patris in hereditate(m) succedant. § 5. Et inde <si> patris <soror> non fuerit, sic de illis generationibus, quicumque proximior fuerit, ille in **hereditatem** succedat, qui ex paterno genere ueniunt. § 6. De terra vero Salica nulla in muliere <portio aut> **hereditas** est, sed ad virilem sexum, qui fratres fuerint, tota terra perteneat». В отечественной историографии на характер аллода как наследственного владения недвусмысленно указывал А.Я. Гуревич (см.: *Гуревич А.Я.* Начало феодализма в Европе // *Гуревич А.Я.* Избранные труды в 2 т. Т. 1: Древние германцы. Викинги. М.; СПб., 1999. С. 212–213; *Он же.* Категории средневековой культуры // *Гуревич А.Я.* Избранные труды, Т. 2: Средневековый мир: культура безмолвующего большинства. С. 55–56). В терминологическом плане на материале южнофранцузских документов на идентичность понятий *alod* и *hereditas* *grorgia* в последние годы обратил внимание, пусть и с некоторыми оговорками, такой признанный знаток проблемы, как И.С. Филиппов. См.: *Филиппов И.С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье: проблема становления феодализма. М., 2000. С. 610–611.
- ²⁶ Form. Marc. II.14 («Pactum inter parentes de **hereditate** eorum»): «Quicquid enim inter propinquos de **alode** parentum, non a iudiciaria potestate coacti, sed sponte, mantente caritate, iusti debita unicuique portio terminatur, non de rebus detrimentum, sed augmentum potius postest esse

censendum; et ideo necesse est inter se eorum facta scripturarum series alligare, ne ab aliquibus in posterum valeat refragare. Ideoque dum inter illo et germano suo illo de **alode** genitoribus eorum illis bonae pacis placuit adque convenit, ut eam inter se, manente caritate, dividere vel exequari deberint; quod ita et fecerunt. Accepit itaque illi villas nuncupantes illas, sitas ibi, cum mancipia tanta illas. Similiter et illi accepit econtra in compensatione alias villas nuncupantes illas, sitas ibi, cum mancipia tanta illas. De presidio vero, drappus seu fabricatus vel omni subrepellicie domus, quicquid dici aut nominare potest, aequa lentia inter se visi sunt divisisse vel exequasse, et hoc invicem pras parte tradidisse et **per festuca omnia partitum esse dixisse**. Propterea presentis epistolas duas uno tenore conscriptas locum paccionis inter se visi sunt conscribisse, ut nullus deinceps contra pare suo, nisi quod ad presens accepit, de ipsa alode genitore eorum amplius requirendi pontefitium habere non dibiatur. Quod si aliquando aliquis ex ipsis aut **heredis** eorum hoc emutare voluerint, aut amplius requirere quam accepit voluerit aut adsumere, inferat pare suo, ista tota servante, auri liberas tantas, arengti pondo tantum, et quod repetit, vindicare non valeat, sed presens pactio omni tempore firmus permaneat, [stipulatione sunexa. Actum.]».

²⁷ См., например: Form. Marc. II.12 etc.

²⁸ Lex Sal. 44: § 1: «Sicut adsolet homo moriens et uiduam dimiserit, qui eam uoluerit accipere, antequam eam accipiat **ante thunginum aut centenarium**, hoc est ut **thunginus aut centenarius** mallum indicant, et in ipso **mallo scutum** habere debet, et tres homines tres causas demandare debent. <...> § 10. Si uero nec auunculus <non> fuerit, tunc frater illius, qui eam mulierem ante habuit, si in **hereditatem** non est uenturus, ipse <eos> reipus accipiat. § 11.<Et> si nec ipse frater fuerit, tunc qui proximior fuerit extra superius nominatos, qui singillatim secundum parentilla dicti sunt, usque ad sextum genuculum, si in **hereditatem** illius mariti defuncti non accedat, ipse reipus ill(o)s accipiat».

²⁹ Lex Sal. 60 («De eo qui se de parentilla tollere uult»): «§ 1. [Si quis de parentilla tollere se uoluerit,] **in mallo <autem> ante thunginum aut centenarium** ambulare debet et ibi<dem> quatuor fustes alminos super caput suum frangere debet, et illos in quatuor partes per quatuor angulos in <ipso> mallo iactare debet et ibi dicere <debet>, quod <se de> iuramento et de **hereditate** et <de> tota ratione illorum tollat. § 2. Et sic postea <si> aliquis de suis parentibus aut moriatur aut occidatur, nulla ad eum nec **hereditas** nec conpositio pertineat. § 3. Si uero ille aut moriatur aut occidatur, conpositio aut **hereditas** suis parentibus non pertinet causa, sed ad ipso fisco perueniat aut cui **fiscus** dare uoluerit».

³⁰ Lex Sal. 46 («De acfatmire»): «§ 1. Hoc convenit observare, ut **thunginus** aut **centenarius mallum** indicant et **scutum** in ipso **mallo** habere debent et <postea> tres homines tres causas <in mallo ipso> demandare debent. Et postea requirant hominem, qui ei non pertineat, et sic **festucam in lesum** <su(um)> iactet. Et ipse, in cuius lesum festucam iactavit, dicat uerbum, de **furtuna** sua quantum ei uoluerit dare, aut si totam at mediam **furtunam** <suam>, cui noluerit dare. § 2. Postea ipse, in cuius lesum festucam iactavit <ipse>, in casa ipsius manere debet et hospites tres <uel amplius> suscipere debet, et de facultate sua, quantum ei dantur, in potestate sua habere debet. Et postea ipse, cui istum creditum est, ista omnia cum testibus collectis agere debet. § 3. <Et> sic postea aut ante regem aut **in mallo legitimo** illi, cui **furtunam** suam deputavit, reddere debet et accipiat **festucam** <et> **in mallo ipso ante duodecim menses ipsi quod heredes** deputavit, in lesum iactet, nec minus nec maius <et> nisi quantum ei creditum est. § 4. Et si contra hoc aliquis aliquid dicere uoluerit, debent tres testes iurati dicere, quod ibi<dem> fuissent **in mallo**, quem **thunginus** aut **centenarius** indixerunt, et quomodo uidissent hominem illum, qui **furtunam** suam dare uoluerit <et> **in lesum** <ille> iam quem elegit **festucam** iactare. <Et> nominare debent denominatim illum, qui **furtunam** suam **in lesum** iacat; et sic illum, in cuius lesum iactatur, et illum, quem **heredem** appellat, publice similiter nominent. § 5. Et alteri tres testes iurati dicere debent, quod in casa illius, qui **furtunam** suam donauit, ille, in cuius laesum festuca iactata est, ibidem mansisset et hospites tres uel amplius ibidem collegisset et pauisset et hospites illi tres uel amplius <ei> de susceptione gratias egissent et in beodo pultes manducassent et illi testes <tres> collegissent. § 6. <Et> ista omnia illi alii tres iurati dicere debent et <de> hoc, quod **in mallo ante regem uel <in> legitimo mallo publico** <et> ille, qui accepit **in lesum furtunam ipsa(m)** aut ante regem aut **in mallo publico legitimo**, hoc est **in mallobergo** attheoda aut **thungino**, **furtunam** illam, quos **heredes** appellauit, publice coram omnibus **festucam in lesum** illius iactasset, hoc est ut nouem <testimonia uel> testes ista omnia debent adfirmare».

³¹ Текст см. выше в примеч. 25.

³² Lex Sal. 50 («De fides factas»): «§ 3. Si quis fidem factam ad placitum legitimum <adhuc> noluerit [per]solvere, tunc ille, cui fides facta est, ambulet ad grafionem loci illius, in cuius pago manet, et adprehendat **festucam** et dicat uerbum: “Tu, grafio, homo ille <qui> mihi fidem fecit, quem legitime habeo iactiu(um) aut admallatum in hoc, quod les Salica <habet et> continet; ego super me et <super> furtunam meam pono, quod

- <tu> securus mitte in furtunam suam manum”. Et dicat de <qua> causa (e)t quantum ei fidem fecerat». См. также: *Chilperici edictum...* 7 (=Lex Sal. 112): «Similiter conuenit, ut quicumque admall(at)u(s) fuerit et in ueritati testimonia non habuerit, unde se educat, et necesse est, ut a(d) initium fidem faciant, et non habuerit simili modo, qui pro e(o) fidem faciat, ut ipse de sin(i)stra manu *fistucam* teneat et dextera manu auferat». (Cfr.: *Chilperici edictum...* 8: «*cum fistuco* mittat super se»).
- ³³ Gai.4.16: «*Festuca* autem utebantur *quasi hastae loco*, signo quodam iusti domini, quando iusto dominio ea maxime sua esse credebant, quae ex hostibus cepissent; unde in centumviralibus iudiciis hasta proponitur».
- ³⁴ *Greg. Turon. Hist. Franc. VII.33*: «Post haec rex Gunthchramnus, data in manu regis Childeberthi *hasta*, ait: «Hoc est indicium, quod tibi omne regnum meum tradedi. Ex hoc nunc vade et omnes civitates meas tamquam tuas proprias sub tui iuris dominatione subice. Nihil enim, facientibus peccatis, de stirpe mea remansit nisi tu tantum, qui mei fratris es filius. Tu enim heres in omni regno meo succede, ceteris ex *heredibus* factis».
- ³⁵ Lex Thuring. VII («De alodibus»): 32. Mater moriens filio *terram*, mancipia, pecuniam dimittat, filiae vero spolia colli, id est murenulas, nuscas, monilia, inares, vestes, armillas, vel quicquid ornamenti proprii videbatur habuisse. 33. Si nec filium nec filiam habuerit, sororem vero habuerit, sorori pecuniam et mancipia, proximo vero paterni generis *terram* reliquat. 34. Usque ad quintam generationem paterna generatio succedat. Post quintam autem filia ex toto, sive de patris sive de matris parte in *hereditatem* succedat; et tunc demum *hereditas* ad fusum a *lancea* transeat.
- ³⁶ Ibid. 31. Ad quemcumque *hereditas terrae* pervenit, ad illum *vestis bellica*, id est lorica, et ultio proximi et solutio leudis debet pertinere.
- ³⁷ Ibid. XIV (=54): «Libero homini liceat *hereditatem* suam, cui voluerit, tradere».
- ³⁸ Lex Ribuar. 57 (56) («De alodibus»): «1. Si quis absque liberis defunctus fuerit, si pater si mater superstites fuerint, in *hereditatem* succedant. 2. Si pater materque non fuerint, frater et soror succedant. 3. Si autem nec eos habuerit, tunc soror matris patrisque succedant. Et deinceps usque quinto genuculo qui proximus fuerit, in *hereditate* succedat. 4. Sed dum virilis sexus exteterit, femina in *hereditate* aviatica non succedat». Cfr.: Lex Ribuar. 70 (67.1) («De eo qui filium non relinquit»): «Si quis moriens debitor aut *testamenta* vel venditiones seu traditiones aliquas fecerit, si filios aut filias non dereliquerit, quicumque de parentibus suis, quantum unus solidus valet, in *hereditatem* acciperit vel cui weregeldum eius, si interfectus fuisset, legitime obveniebat, omnem debitum culpabilis iudicetur, et omnem factum eius idoneare studeat, aut culpam incurreret».

О.В. Ауров

- ³⁹ Lex Ribuar. 50 (48–49) («De adfatimire»): «1. Si quis procreatione filiorum vel filiarum non habuerit, omnem facultatem suam in presentia regis, sive vir mulieri sive mulier viro seu cuicumquelibet de proximis vel extraneis **adoptare in hereditate** vel **adfatimi[re] per scripturam seriem seu per traditionem** et testis adhibentes, secundum legem Ribuarum licentiam habeat. 2. Quod si adfatimus fuerit inter virum et mulierem, post discessum amporum ad **legitimos heredes** revertatur, nisi quantum, qui pare suo supervixerit, in elymosina vel in sua necessitate expenderit». Текст Lex Sal. 46 см. выше в примеч. 29.
- ⁴⁰ Выделю лишь несколько работ из обширной литературы вопроса: Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000; Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной Империи. СПб., 2003; Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье, 300–1000. СПб., 2002. С. 88–119; Wolfram H. The Roman Empire and Its Germanic Peoples. Berkeley; Los Angeles; London, 2005.
- ⁴¹ Филиппов И.С. Указ. соч. С. 607–608.

ABSTRACTS

O.V. Aurov

The Concept of “Hereditas” in the IVth – early IXth Century: An Episode from the History of “Vulgarisation” of Roman Law

The article is dedicated to the problem of the evolution of the Latin term “hereditas”. This word was used in the terminology of Roman hereditary law since the period of the “Laws of the XII Tables”. But in Christian Latin texts since the beginning of the 3rd century A.D. we see the other significance of the term, which reflected the content of the Greek word κλήρον (“kleros”) (“share”, “part”, “property given to another person”) as a translation of the Hebrew נַחֲלָה (nachalah) (“possession”, “land”, “portion”, “part”). This pure Christian significance of the word began to penetrate into the terminology of postclassical Roman law only in the 5th cen. A.D. as one of the results of the Christianization of Law. But it became firmly established in the new sphere only in the next century, when we see it in the text of the Frankish “Salic Law” in ex-Roman Gaul. In Frankish law the term was influenced by the tradition of the Germanic version of the institute of inheritance – the “alodis”. The duality of legal terminology “hereditas”-“alodis” became a characteristic feature of Frankish law till the Carolingian times. It was preserved in the legal tradition of the region till the beginning of the process of the reception of the “jus commune”, which was a scholastic synthesis of the Justinian and the reformatted Canon laws.

Keywords: Early Middle Ages; barbarian law; inheritance; “hereditas”; the Vulgar Roman Law; the “Itala”; the “Vulgata”; Franks; Merovingians; “Salic Law”; the Gaul.

E.Yu. Chepel

Greeks who Conceived Barbarian Cruelties: The Image of the Barbarian in Euripides’ “Trojan” Tragedies

In the tragedies “Andromache”, “Hecuba” and “The Trojan Women”, the Greek-barbarian opposition appears to be an essential means of creating the ethos of characters, the elaboration of tragic conflict and the emotional influence on the audience. The lexical, thematic and structural analysis of three scenes, representing the clash of Greek and barbarian worlds, makes it possible to question the traditional approach to the image of the barbarian in Euripidean tragedies as a phenomenon of the Greek “Enlightenment” and sophistic and to regard it first and foremost as an element of poetics.

Keywords: Greek tragedy, Euripides, barbarization of the Greeks, barbarians, “Trojan” tragedies of Euripides.